

Тимофеева Е. Н.

БАСНЯ ЛАФОНТЕНА "СТРЕКОЗА И МУРАВЕЙ" В РУССКИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯХ (МОДЕЛЬ УРОКА ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА В СТАРШИХ КЛАССАХ)

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2008/2-1/82.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2008. № 2 (9): в 3-х ч. Ч. I. С. 198-200. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2008/2-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Мысль о том, что внешнее благосостояние и материальный достаток не являются единственными признаками совершенного общества, что научно-технические достижения не только не являются панацеей от социальных болезней, но, напротив, извращают человеческую природу, отчетливо проявилась в русской утопической мысли второй половины XIX - начала XX вв. («Вечер в 2217 году» Н. Д. Федорова, «Жизнь через сто лет» Г. П. Данилевского, утопические повести В. Я. Брюсова «Земля», «Республика Южного Креста», «Семь земных соблазнов»). Здесь мир техники описан как жестокий и бездушный, уничтожающий и нивелирующий личностное, индивидуально-неповторимое начало в человеке. В России антитехнический утопизм возник несколько раньше, чем на Западе.

В первой половине XX в. символом будущего становится уже не «электричество», а освоение космоса. На других планетах исследователи находят или уже готовые образцы «коммунистического завтра» («Красная Звезда», «Инженер Мэнни» А. Богданова), или благодатный материал для социально-преобразовательной деятельности («Аэлита» А. Толстого). Характерно, что в научно-фантастической литературе, форме, в которой наиболее часто выступал технический утопизм, «коммунистическое» и «космическое» непосредственно соседствовали вплоть до 60-х гг. XX в. [Артемьева 2005: 483]. В советский период наступает «застой» утопической мысли, что было обусловлено вниманием литературы к непосредственным проблемам преобразования жизни. В послевоенной литературе утопические черты появляются в произведениях научных фантастов В. И. Немцова, А. Г. Адамова, А. Л. Казанцева, И. А. Ефремова, А. Н. и Б. Н. Стругацких» [Литературный энциклопедический словарь 1987: 459]. В XX в. утопия как выражение положительного идеала практически не встречается, уступая место типологически родственной антиутопии, которая в научной литературе рассматривается как «негативный» вариант утопии или как самостоятельный жанр.

Итак, жанр утопии с момента появления первых авторских произведений до XX в. прошел длительный путь развития. Литературная утопия возникла в России в XVIII в. на основе национальной фольклорной традиции и жанра путевой литературы. Русская утопия, безусловно, в какие-то моменты испытывала влияние европейской литературы, но на всех этапах развития русский утопизм отражал в художественных формах актуальные общественные проблемы и создавал идеальные конструкции, которые должны были способствовать исправлению несовершенной действительности.

Список использованной литературы

1. **Артемьева Т. В.** От славного прошлого к светлому будущему: философия истории и утопия в России эпохи Просвещения / Т. В. Артемьева. – СПб.: Алетей, 2005. - 496 с.
2. **Глушанина Н. И.** Проблема жанра утопии в контексте путевой литературы петровской эпохи / Н. И. Глушанина // Поэтика жанра. - Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 1995. - С. 3-23.
3. **Литературный энциклопедический словарь** / Под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. – М.: Советская энциклопедия, 1987. - С. 459-460.
4. **Лотман Ю. М.** Отзвуки концепции «Москва - третий Рим» в идеологии Петра Первого. К проблеме средневековой традиции в культуре барокко / Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский // Художественный язык средневековья. – М., 1982. - С. 236.
5. **Любимова А. Ф.** Утопия и антиутопия: опыт жанровых дефиниций / А. Ф. Любимова // Традиции и взаимодействия в зарубежных литературах. - Пермь, 1994. - С. 92-98.
6. **Мильдон В. И.** Санскрит во льдах, или возвращение из Офира / В. И. Мильдон. – М.: РОССПЭН, 2006. - 288 с.
7. **Устинов Д. В.** «Утопия как деятельность» в русской культуре второй половины XVIII в. / Д. В. Устинов, А. Ю. Веселова // Вестник СПбГУ. – СПб., 1998. - Вып. 1. - Сер 2. - С. 76- 80.
8. **Чернышёва Т. А.** Русская утопия / Т. А. Чернышева. - Сибирь-Иркутск-Новосибирск, 1990. - № 6. - С. 118-127.
9. **Шестаков В. П.** Эволюция русской литературной утопии / В. П. Шестаков // Русская литературная утопия. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986. - С. 5-32.

БАСНЯ ЛАФОНТЕНА «СТРЕКОЗА И МУРАВЕЙ» В РУССКИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯХ (МОДЕЛЬ УРОКА ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА В СТАРШИХ КЛАССАХ)

Тимофеева Е. Н.

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

Учителю, использующему **метод сравнения переводов** на уроках иностранного языка, необходимо работать с экстралингвистической информацией, без которой сравнение переводных произведений с подлинником может ограничиться формальным поиском эквивалентов и механическим сопоставлением лексических единиц.

Каждый художник принадлежит своему времени: литературное произведение не следует рассматривать в отрыве от той эпохи, в которую оно создавалось.

Великий французский баснописец Лафонтен жил и творил в эпоху классицизма, когда высшим идеалом, высшей целью человека творческого было бескорыстное служение искусству. Середина 17 века - время зарождения капитализма во Франции. Мелкая буржуазия, измеряющая все вокруг себя понятиями «польза» и «выгода», не могла еще понять, какую же выгоду она может извлечь из искусства. Происходит столкновение героического и бытового измерения жизни.

1-ый этап урока. Анализ образов Муравья и Жука в басне Эзопа. К 17 веку басенный жанр уже имеет традиции, так как начиная с 12 века басни Эзопа переводятся с латинского языка на французский. Сюжет басни Лафонтена «Стрекоза и Муравей» восходит к басне Эзопа «*Муравей и жук*»:

«В летнюю пору гулял муравей по пашне и собирал по зернышку пшеницу и ячмень, чтобы запастись кормом на зиму. Увидел его жук и посочувствовал, что ему приходится так трудиться даже в такое время года, когда все остальные животные отдыхают от тягот и предаются праздности. Промолчал тогда муравей; но, когда пришла зима и навоз дождями размыло, остался жук голодным, и пришел он просить у муравья корму. Сказал муравей: «Эх, жук, кабы ты тогда работал, когда меня трудом попрекал, не пришлось бы тебе теперь сидеть без корму».

Так люди в достатке не задумываются о будущем, а при перемене обстоятельств терпят жестокие бедствия».

Вопросы к басне Эзопа:

1) Что вам кажется непривычным в этой басне? (Написана прозой; имеет небольшой объем, в ней нет ничего лишнего (лаконизм, свойственный Античности); размеренность, эмоциональная отстраненность авторского стиля).

2) Каковы отношения Жука и Муравья? (Отказ Муравья оправдан, он трудился все лето; Жук - обыкновенный лентяй, бездельник, не думающий о завтрашнем дне).

2-ой этап урока. Прослушивание басни Лафонтена в исполнении французского актера (или учителя), затем следует чтение подстрочника.

<p>LA FONTAINE LA CIGALE ET LA FOURMI La Cigale, ayant chanté Tout l'été, Se trouva fort dépourvue Quand la bise fut venue. Pas un seul petit morceau De mouche ou de vermisseau. Elle alla crier famine Chez la Fourmi sa voisine, La priant de lui prêter Quelque grain pour subsister Jusqu'à la saison nouvelle. Je vous paierai, lui dit-elle, Avant l'août, foi d'animal, Intérêt et principal. La Fourmi n'est pas prêteuse ; C'est là son moindre défaut. Que faisiez-vous au temps chaud ? Dit-elle à cette emprunteuse. Nuit et jour à tout venant Je chantais, ne vous déplaît-elle. Vous chantiez ? j'en suis fort aise ; Et bien ! dansez maintenant.</p>	<p>ПОДСТРОЧНИК СТРЕКОЗА И МУРАВЕЙ Стрекоза, пропев Все лето, Нашла себя совершенно оскудевшей, Когда внезапно подул северный ветер. Ни единого кусочка Мухи или червячка. Она пошла жаловаться на бедность К соседу Муравью, Прося одолжить ей Какое-нибудь зернышко чтобы прокормиться До следующего сезона. «Я Вам заплачу, - сказала она ему.- До августа, честное слово стрекозы, Процент и основную сумму. Муравей не заимодавец; Вот это его маленький недостаток. «Что вы делали в жаркое время? - Говорит он этой заемщику-стрекозе. «День и ночь первому встречному Я пела, не сердитесь». «Вы пели? я этому очень рад: Ну что ж! теперь танцуйте».</p>
---	--

Вопросы к подстрочнику:

1) В чем «маленький недостаток» Муравья? (Он не дает в долг, так как не может понять, какую выгоду может извлечь из ее пения (искусства); мораль в конце принадлежит Муравью, а не автору, она не совпадает с авторской позицией).

2) Почему Лафонтен Жука превратил в Стрекозу? (Стрекоза Лафонтена поэтична, полна музыки, вдохновения, она живет в мире искусства, но при столкновении с действительностью жизни, она оказывается беззащитной и беспомощной).

Басня Лафонтена имеет социальный подтекст и постороена по принципу контраста: в ней сталкиваются два мира, мерила и цели жизни которых - вдохновение (Стрекоза) и благополучие (Муравей). В морали смещаются акценты: в басне Эзопа Муравей - положительный персонаж, в басне Лафонтена Муравей - скорее отрицательный персонаж.

3-ий этап урока. В России впервые эта басня была переведена в 18 веке (в эпоху Просвещения) Хемницером.

И.И. Хемницер

Стрекоза

Все лето стрекоза в то только и жила,
 Что пела;
 А как зима пришла,
 Так хлеба ничего в запасе не имела.

И просит муравья: «Помилуй, муравей,
Не дай пропасть мне в крайности моей:
Нет хлеба, ни зерна, и как мне быть, не знаю.
Не можешь ли меня хоть чем-нибудь ссудить,
Чтоб уж хоть кое-как до лета мне дожить?
А лето как придет, я, право, обещаю
Тебе все вдвое заплатить».
- «Да как же целое ты лето
Ничем не запаслась?» - ей муравей на это.
- «Так, виновата в том; да что уж не взыщи:
Я запастися все хотела,
Да лето целое пропела».
- «Пропела? Хорошо! поди ж теперь свищи».
Но это только в поученье
Ей муравей сказал,
А сам на прокормленье
Из жалости ей хлеба дал.

Вопросы к переводу:

1) С чем, на ваш взгляд, связано великодушие Муравья? (Перевод написан в 18 веке в России - идеалом были моральные, нравственные качества человека, в конкретном случае: добродетельность, разумность, скромное трудовое существование).

2) Почему в название басни выносятся только один персонаж - Стрекоза? (Она символизирует порок; нужно выделить то, что необходимо исправить с помощью наставления, поучения и нравственного примера).

3) Каким бы вы назвали перевод Хемницера: вольным или неудачным? (Вольным: герои басни Хемницера выполняют иные функции и задачи, нежели у Лафонтена, и это связано с культурно-историческими воззрениями художника).

Сравнительный анализ поэтических образов Стрекозы, Жука и Муравья в баснях Эзопа, Лафонтена и Хемницера раскрывает характеры не только персонажей литературных произведений, но и показывает характер эпохи, в которую создавалась та или иная басня.

4-ый этап урока. Ученики определяют критерии, на основании которых оценивали степень вольности перевода:

- сохранение художественных образов;
- передача соотношения, пропорций подлинника на уровне образов;
- сохранение идеи оригинала;
- сохранение ритма, музыки стиха;
- точный перевод отдельных слов;
- сохранение авторской позиции;
- сохранение многозначности подлинника, его подтекста;
- соотношение оригинала и перевода на стилистическом уровне;
- степень культурно-исторической обусловленности перевода.

5-ый этап урока. Домашнее задание:

1. Сделайте свой перевод басни Лафонтена в духе культурно-исторических ценностей и традиций сегодняшнего дня.

2. Сравните басни Лафонтена «Стрекоза и Муравей», Ю.А. Нелединского-Мелецкого «Стрекоза» и И.А. Крылова «Стрекоза и Муравей».

ПРОЦЕССУАЛЬНОСТЬ ИРРАЦИОНАЛЬНОГО В КОНЦЕПТАХ БОЛИ, СТРАХА И СМЕРТИ (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА И. С. ТУРГЕНЕВА «ФАУСТ»)

Тимошенко М. А.

Нижегородский государственный педагогический университет

Процессуальность, присущая внутреннему состоянию человека, наиболее полно проиллюстрирована русской художественной литературой XIX в. Проблема рассматривается в контексте фаустианской темы, наиболее насыщенной предельными вопросами бытия. Очевидно, что дискурс об иррациональном не имеет универсальной схемы. Ж.-Л.Нанси сравнивает художественный текст с «блуждающим телом». Смысл ускользает. Тем не менее мы по-прежнему ищем его в текстах русской литературы, поставившей перед исследователями современности предельные вопросы. Человек как тончайший инструмент природы и образование культуры остается в центре внимания. Чем глубже проникновение в механизм взаимодействия микропроцессов психического, канонического (социокультурного), трансцендентного, тем отчетливее вывод: